

П.М. Меер

**Подготовка к польскому
мятежу в Минской губернии
в 1861 году**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.М. Меер**
Подготовка к польскому мятежу в Минской губернии в 1861 году / П.М. Меер –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 138 с.

ISBN 978-5-517-83635-9

Подготовка к польскому мятежу в Минской губернии в 1861 году.

ISBN 978-5-517-83635-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

свои подкопы, но немногу выкажутся другіе элементы, па которыхъ истинно русскому и православному—принимающему близко къ сердцу счастье, могущество, цѣлостъ и благодепствіе Россіи,—нельзя не остановить вниманія серьезнаго.

Начнемъ съ общества столь немногихъ чисто русскихъ, адѣсь живущихъ, торгующихъ, служащихъ. Никогда не видѣли ихъ такъ грустными, такъ усердно молящимися. Старожилы говорятъ: „мы теперь, батюшка, молимся душе, какъ въ холеру, какъ при несчастии страшномъ... Богу вѣсть, что съ нами тутъ будетъ... Полякъ съ каждымъ днемъ все смѣлѣе, азартнѣе, чуть въ грязь не топчетъ насъ... что дѣлать? видно Бога прогнѣвили! Какъ привели было казаковъ, позатихли было маленечко, а какъ выслали казаковъ—опять вотъ какъ занумѣли. Господи помилуй!“ Гдѣ ни сойдутся русскіе—одна у всѣхъ мысль, одинъ разговоръ—о безотрадномъ адѣсь положеніи русскихъ, о непонятномъ положеніи дѣлъ, о нерѣшительности и неопредѣлительности мѣръ противъ явнаго разлива революціонныхъ движеній. Дѣйствительно адѣсь все притихло съ приходомъ сюда войскъ. А. и Б. и другіе, возвратясь изъ С.-Петербургa, убѣждали всѣхъ, согласно съ совѣтомъ своихъ комитетовъ, Парижскаго и Варшавскаго, замирать хоть до весны, или до общаго возстанія, когда они надѣются и правительство русское и всѣхъ русскихъ смести съ лица земля Литовской. И чѣмъ тише, пока будетъ все въ губерніи по наружности, тѣмъ сильнѣе будетъ ихъ право на недопущенія того, чего, Боже сохрани, какъ они боятся—военнаго положенія и усиленія войскъ. Если же имъ посчастливится, подобравъ къ рукамъ окончательно и сколько возможно администрацію и администраторовъ, не увеличить адѣсь массы русскихъ войскъ, то весной, или, какъ только раздастся общаго подъема,—они овладѣютъ всѣми казначействами и оружіемъ, имѣя вездѣ агентовъ и сообщниковъ, всюду нападутъ массами на отдѣльныя части русскихъ, немногочисленныхъ и слабыхъ своею раздробленностью и раскиданностью, уничтожатъ ихъ и пачнутъ съ успѣхомъ вводить въ окончательное исполненіе кадровыя правяла предлагаемаго воззванія № 1 (отъ страницы и далѣе). Какъ предсѣ-

датель неприятной и нежеланной для поляков Комиссии, конечно здѣсь я—последній, кому они рѣшились бы открыть что-нибудь, разъяснить свои замыслы. Меня боятся, отъ меня стараются все скрыть, мнѣ труднѣе каждаго здѣсь узнать что-нибудь вѣрное. И надо большія деньги,—которыхъ у меня нѣтъ вовсе, надо усердное содѣйствіе ловкой полиціи, котораго не имѣеть и губернаторъ, (Полиція служитъ здѣсь больше для закрытія всего опаснаго полякамъ) чтобы изысканія могли быть подтверждены документами. Если бы я узнавалъ что-нибудь и желалъ имѣть доказательства (особенно планъ ихъ окончательныхъ кадровыхъ распоряженій), мнѣ отвѣчали: „здѣсь при теперешнемъ ходѣ дѣлъ, чуть заподозрять кого-нибудь въ передачу правительству доказательствъ противъ поляковъ и ихъ намѣреній, онъ не останется цѣль и невредимъ, а правительство не въ силахъ оградить его и спасти“... Русское правительство у себя дома и не въ силахъ... можетъ ли это быть?... Но никто не хочетъ рисковать жизнью и семьей своей, видя развитіе силъ намъ враждебныхъ и наше бездѣйствіе. Ксендаы смѣло съ наездомъ говорятъ народу: „развѣ не видите, что самъ панъ Богъ поборяетъ намъ, ослабляя враговъ нашихъ? Развѣ вы не замѣчаете, что уже больше 3-хъ лѣтъ они сами даютъ намъ всю возможность развить наши планы и укрѣпиться въ нихъ. Неужели мы не воспользуемся этимъ для блага нашей ойчины и дѣтей нашихъ, чтобъ свергнуть и погнать его для насъ ненавистное, уничтожить вѣру намъ враждебную?“. Вообще въ самыхъ пламенныхъ проповѣдяхъ ксендаы стремятъ всѣхъ поляковъ къ единодушію и возстанію,—зная изъ опыта, что въ минуты всеобщаго волненія и кипѣнія страстей, въ минуты верховной опасности, сила религій (слѣдовательно власть ксендаовъ и ихъ церковные и личные доходы) всегда значительнѣе и могучѣе—народъ поетъ больше лitanій (акаѣстовъ), заказываетъ больше мисей и паннихидъ, непрерывно прибѣгаетъ къ исповѣди и проч.

Узнавъ однако много достовѣрнаго и основательнаго, подтверждаемаго ежедневными событіями, я рѣшился па- бросить это на бумагу—для себя, для своихъ соображеній.

Здѣсь я сперва упомяну о настоящемъ положеніи края въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (это положеніе можетъ непрерывно измѣняться):—потомъ скажу о мѣрахъ, которыя могли бы, по моему мнѣнію, хотя нѣсколько теперь противодействовать замысламъ поляковъ. Все это конечно отношу я только къ горизонту передо мною находящемуся—къ Минской губ., полагая, что и о Минской и о другихъ губерніяхъ мѣстныя ихъ начальники или довѣренныя отъ правительства лица, имѣя въ рукахъ власть и способы—имѣли довольно времени и могли имѣть болѣе меня и зоркости и средствъ, чтобы вѣрнѣе и лучше и прежде меня сказать правительству свое разумное сердечное слово. Чтобы узнать, что затѣвуютъ поляки и есть ли нинѣшнее ихъ положеніе заговоръ отрывчатый, мѣстный, какъ прежде бывали тому примѣры, или онъ скрывается въ себѣ основы глубокия, всеобщность усилій и уже проникъ во все слои народа,—я старался достать главнѣйшія воззванія, сдужающія исходными точками для оцѣнки наставшаго положенія тѣль. Еще когда я былъ въ Могилевской губерніи въ 1858—1859 годахъ, Преосвященный Анатолій, знавшій и любившій польскую литературу, пріятель многихъ помѣщиковъ поляковъ, самъ говорилъ мнѣ о читавныхъ имъ польскихъ прокламаціяхъ, „писанныхъ огнемъ,“ подписанныхъ „мотодежью польской.“ Уже тогда за три года передъ этимъ ходили слухи о приготовленіи глубокихъ основъ для общаго возстанія, для отторженія всѣхъ Западныхъ губерній, до Смоленска (до столбовъ Болеслава), для возволенія казаковъ и Украины, для возвращенія Уніи и папизма. Анатолій на предложеніе мое, чтобы онъ сообщилъ объ этомъ подробно правительству, отвѣчалъ, вѣроятно не придавая замысламъ поляковъ особой важности: „вѣрьте мнѣ: свѣтское правительству, владѣющее столькими средствами, и явною и тайною полиціями, лучше всѣхъ насъ знаетъ все это; и если, кажется намъ, бездѣйствуетъ, то вѣрно тоже знаетъ почему и для чего.“ Съ этимъ нельзя было не согласиться. Обѣзды мои Могилевской и Мясской и частныя посѣщенія Витебской губерніи, сближая меня съ многими мѣстами и лицами, убѣждали меня въ существованіи такихъ обширныхъ предпо-

жевій, которыя не могли и не должны быть тайны для правительства. Въ Петербургѣ кое-что чуть простышалъ и о существованіи какихъ то воззваній, которыя двигаютъ народъ Польша, тогда какъ другіе, подавая имъ руку, стараются волновать молодежь русскую и дворянъ и низшія классы. Они разсчитываютъ успѣхъ на повсемѣстныхъ послабленіяхъ въ послѣднее время, на равнодушіи многихъ русскихъ, часто ограничивающихъ благородное стремленіе къ народности и величію нашей родины—введеніемъ боярскихъ шапокъ, какъ то странно сочетаннѣхъ съ французскими фраками, разсчитываютъ и на нѣкоторую запутанность дѣлъ, всегда сопутствующую реформамъ, поматнувшимъ къ старымъ основамъ, еще не успѣвъ установить твердо ничего нововеденнаго и чрезъ это дѣлающимъ много недовольныхъ. Сначала чъ первосвященникъ Римскій косвенно принималъ участіе въ дѣлахъ Польши и Литвы, сердечно желать возвращенія въ свое лоно статьи, доходной статьи, лстящей его самолюбію, дающей ему нравственное подкрѣпленіе въ такіи минуты, когда и католическій міръ хочетъ исторгнуть всю свѣтскую власть изъ его рукъ. Многихъ, слышно было, оны благословили; многіе отъ его имени пускали тогда въ ходъ увѣщанія бороться за ойчизну, —возстановить вѣру латышскую, а гдѣ пельная—то хоть Улію; противиться полной эмансипаціи крестьянъ, между которыми масса православныхъ. (Тогда еще не остановились, какъ теперь, на идеяхъ возмущенія всѣхъ ихъ противъ русской власти). Потомъ, когда такая борьба для латвиянъ помѣщиковъ оказалась невозможною, а эмансипація объявлена—они старались, и до сихъ поръ усиленно стараются, установить всѣ правила новаго порядка дѣлъ единственно и исключительно въ пользу помѣщиковъ, чтобы, придерживаясь крѣпостныхъ началъ, имѣть на основаніи новаго законодательства русскаго, по по—прежнему, въ своей полной зависимости, массу народа—этотъ теперь сильный рычагъ для дѣйствій за или противъ какого-нибудь принципа, или власти. Добывъ главнѣйшіе документы, я съ помощью нѣсколькихъ чиновниковъ и подъ просмотромъ Вице-губернатора, русскаго и знающаго оба языка—польскій и русскій—въ немпогое свободное отъ усл-

денныхъ занятій время, ихъ переводъ воззваній свѣрилъ по 4-мъ экземплярамъ и исправилъ окончательно. Видно, что сперва составлено было одно общее воззваніе, или, какъ поляки называютъ, манифестъ о необходимости и возможности поголовнаго восстанія. Воззваніе это получило нѣкоторыя измѣненія, принаровленные къ мѣстнымъ условіямъ Польши, Литвы, Бѣлоруссіи, Кіева, Подолія, Волыніи. Потомъ оно нѣсколько измѣнено, послѣ Варшавскихъ событій; и когда стала литографировать всѣ эти воззванія, то или пропущены, или измѣнены нѣкоторыя мысли и рѣзкія выраженія, находящіяся въ нѣкоторыхъ рукописяхъ.

Прилагаю документы эти; ихъ можно считать законодательными, потому, что ихъ слова исполняются съ большою точностью, чѣмъ наши и духовные и гражданскіе, и военные законы. Революціи свершенныя, также какъ замысленныя, но неудавшіяся выучили распознавать и самыя воззванія. Кто ихъ не писалъ? но не всякому онѣ удавались. Только тогда воззваніе удачно, когда оно хорошо соображено съ настоящимъ временемъ и обстоятельствами; когда оно вывучено изъ основъ народнаго духа и направленія всѣмъ понятныхъ, всѣми понятныхъ, сочувствуемыхъ и устремляемыхъ къ тѣмъ современнымъ цѣлямъ, которыя глухо залегли или громко выражаются во всемъ народѣ. Прилагаемыя воззванія здѣсь читаются и перечитываются ежедневно. Ихъ твердо и глубоко изучили, по нимъ соображаютъ свои дѣйствія, повѣряютъ ихъ и слѣдуютъ имъ точно, нежели катихизису.

№ 1-й. О восстаніи Польши, о необходимости и возможности восстанія. По этому воззванію вездѣ формируются кадры, о которыхъ въ немъ разъяснено. Подробности окончательнаго составленія кадровъ, или планъ восстанія достать чрезвычайно трудно; правительству (кажется) неясно его существованіе, и здѣсь въ Милскѣ много надо истратить денегъ и усилій, чтобы получить этотъ важнѣйшій документъ.

№ 2. Сущность соглашения Мирославскаго съ Гарибальди. Это написано передъ первыми Варшавскими собы-

тіями и служить отчасти къ разъясненію намбрѣній поляковъ.

№ 3-й. Воззваніе къ женщинамъ, по которому всѣ жены и дочери поляковъ и всѣ латыянки (хотя бы онѣ были женами или дочерьми православныхъ или лютеранъ) облеклись здѣсь въ траурныя одежды, трауръ надѣли даже пѣкоторые семейства священниковъ изъ униаты, и даже польки Монсеена закона. Польки и польки отказались отъ всякаго рода публичныхъ увеселеній и танцевъ и отшатнулись окончательно отъ всякаго сообщества съ Русскими. (Въ Минскѣ первый примѣръ подала губернаторша).

№ 4. Воззваніе къ землевладѣльцамъ.

№ 5. Воззваніе къ ксендзамъ. По этимъ двумъ воззваніямъ и помѣщики и ксендзы примкнули къ движенію, и каждый изъ нихъ всѣми зависящими отъ нихъ средствами усиливается дѣйствовать по непрерывнымъ указаніямъ людей, вошедшихъ съ ними въ тайныя (для насъ) сношенія. У ксендзовъ непрерывныя сборы и совѣщанія помѣщиковъ.

№ 6. Недавнее воззваніе послѣ ввода войскъ въ Минскую губ. и учрежденія Коммиссіи по политическимъ дѣламъ здѣсь появившееся, съ приглашеніемъ принять пока наружность спокойную для того, чтобы не ввели еще войскъ и военнаго положенія, не назначили бы военныхъ губернаторовъ и не засадили бы многихъ въ крѣпость. Прямо говорить въ этомъ воззваніи объ окончательномъ овладѣніи администраціею края.

№ 7. Благодарность женщинамъ за точное исполненіе ими воззванія № 3

№ 8. Отпечытанній акавистъ шиллигримовъ, который вытверженъ всѣми наизусть и читается при каждой молитвѣ дома и въ костелахъ.

№ 9. Народный польскій гимнь № 1. Его пѣли и поютъ непрерывно: аристократы и аристократки и шляхта вся поютъ его дома и въ костелахъ: даже иныя бабы—латыянки, собирая грибы, пѣли его въ полѣ и въ лѣсахъ. Даже предположено перевести его на простонародный литовскій

языкъ и на предстоящихъ „святкахъ“ приучить крестьянъ ушать пратославныхъ пѣть этотъ гимнь.

№ 10. Отчаянный гимнь № 2, въ августѣ здѣсь появившійся. Его тоже повтъ всѣ и веадѣ. Высшіе дворяне (аристократія) здѣсь сначала не такъ явно сочувствовали всѣмъ этимъ начинаніямъ. Они не вѣрили ихъ солидности и общности; думали,--что, какъ бывало прежде, --съ однимъ или нѣсколькими коноводами движенія русское правительство легко совладаетъ, что нѣсколько десятковъ или, наконецъ, сотенъ сообщниковъ перехватають, упричутъ податѣе и все дѣло оиниъ угаснетъ. И они долго колебались. Но--съ одной стороны--они увидѣли, что, къ общему изумленію, --никакихъ мѣръ правительствомъ противъ разлива этого пожара не принималось, что, по ихъ мнѣнію, какая-то слѣдота поразила насъ, что свободно, легко и все сильнѣе распространяется всеобщее движеніе противъ элемента русскаго, который вмѣсто того, чтобы воспрянуть и выпрямься выказать свою силу и живучесть,--молчить и, съ каждымъ часомъ ослабѣвая, почти уже окончателно подавленъ возникшими польскими охлакротическими стремленіями, при которыхъ впереди всего идетъ мысль: „всѣхъ не перехватають, всѣхъ не накажутъ, всѣхъ не перебьютъ“. Съ другой стороны, они прочитали въ воззваніяхъ (силу которыхъ въ этотъ разъ столь явно видѣли), они навѣрно узнали, что возбудители народа намѣрены обойтись безъ нихъ, а они безъ народа и безъ власти надъ народомъ--сами по себѣ--ничто; что вообще возмутители теперь даже не очень хлопочатъ, о томъ, будутъ ли высшіе дворяне участниками движенія; что ярко выказывается и развивается вообще красное республиканское направленіе всего молодого поколенія, а имъ грозитъ опасность народная, т. е. совершенное лишеніе правъ и имѣній; что если дать усплнить-ся этому направленію, то потомъ съ разгулаппымъ народомъ уже никакъ не сладить... Видя, наконецъ, страшный прогрессъ революціоннаго дѣла, особенно въ этомъ году, они рѣшились стать въ ряды и въ челѣ всего движенія и овладѣть имъ,--конечно въ свою пользу, но подъ видомъ общей пользы: выказать патриотизму столько, чтобы, пользу-

ясь еще теперешнимъ своимъ положеніемъ, связями, властью и средствами—ловко, нисколько не выставляясь на глаза правительства, глядящаго на все это, какъ будто сквозь пальцы, и потому не подвергаясь опасности ни съ одной стороны, а еще больше стараюсь ввести насъ въ заблужденія о настоящемъ положеніи дѣлъ—пснемному стать тапными распорядителями возмущенія, чтобы направлять его сходно съ своими видами. Если русскіе одолѣютъ,—они явно не шли же прѣтивъ насъ, если поляки возьмутъ верхъ, —тѣ знаютъ, сколько они рисковали и трудились для нихъ, для общаго ихъ дѣла. А какой здѣсь полякъ не захочетъ пристать къ аристократамъ и пользоваться выгодами высшаго сословія, если оно сохраняетъ свою власть и значеніе?..

Поэтому очень многие аристократы, безрассудно увлекаясь революціонною пропагандою, стали прилекать къ себѣ массу дворянъ, между которыми у нихъ множество родныхъ и друзей, а черезъ нихъ—и черезъ ихъ родню и пріятелей—сами передъ правительствомъ стоя въ сторонѣ, теперь начинаютъ двигать толпу и стараются заслужить общее довѣріе и популярность; и черезъ это достигъ своей цѣли—взять надъ ними власть и быть по заподозрѣннымъ правительствомъ. Они танарь въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Варшавою и Парижемъ. Исключеній между ними—слишкомъ немного; и я не знаю ни одного, кто бы рѣшился противодѣйствовать польскимъ замысламъ, или открыть ихъ.

Дворяне,—мелкая шляхта, оцюдворны, мѣщане горожане,—и всѣ ихъ семьи отъ мала до велика—всѣ примне участники движенія; но кромѣ пѣнія гимновъ теперь всѣ стараются пока не очень выказывать свое участіе и подготовку,—по завѣту о тайнѣ, данному имъ на страницахъ позванія № 1.

Униженительно для человечества видѣть, къ какимъ страшнымъ заклинаніямъ себя и своихъ дѣтей, къ какимъ безсовѣстнымъ лжамъ прибѣгаютъ они передъ слѣдственною комиссіей, чтобы скрыть даже самое пустое обстоятельство, могущее повести на слѣдъ ихъ затѣй. Впрочемъ на лживыя присяги имъ уже даны разрѣшенія ксендзовъ.

Почти нѣтъ ни одного мало мальски путнаго дворяни-

на, даже до какого-нибудь Б.,—который бы не считалъ для себя священнѣйшею обязанностью явиться на поклоненіе Паряжскому главному ихъ комитету и не послалъ бы въ Варшаву и Парижъ своихъ денежныхъ жертвъ (до купца З—); и своего фотографическаго портрета—въ кунтушѣ,—этомъ прошедшемъ и будущемъ нарядѣ Польши и Литвы. Впрочемъ нѣкоторые портреты даже требовались туда, чтобы Варшавскіе и Паряжскіе дѣятели знали будущихъ начальниковъ разныхъ мѣстныхъ частей (децемвировъ и проч.) въ томъ нарядѣ, въ которомъ они будутъ въ эпоху повстанья.

Дворяне ѣздятъ отсюда въ Варшаву и въ Парижъ безъ всякаго разрѣшенія. Даже недавно въ Слуцкѣ, лукавый дѣятель трактирщикъ Папесскій, отдавній г. полковникомъ Дмитріевымъ подъ надзоръ полиціи, черезъ нѣсколько дней убѣжалъ въ Варшаву; а городничій, говорятъ, (петревиный и покорный ихъ слуга) и не замкнулся, чтобы остановить его.

Д у х о в е н с т в о .

Губернскій предводитель дворянства прямо сказать губернатору, что каждому поляку, а тѣмъ болѣе ихъ представителю, теперь выгодноѣ быть на сторонѣ мятежной, нежели на сторонѣ правительства. Эта мысль руководитъ здѣсь всѣми. Духовенство—уніатское, какъ зовутъ его здѣсь вообще, возсоединенное—какъ они сами называли себя,—и по оффиціальной ихъ отличительной кличкѣ,—положившей на всегда памятную рѣзкую черту раздѣла между ними и православіемъ (тогда какъ не слѣдовало называть ихъ возсоединенными, а непремѣнно православными безъ различія съ древними)—духовенство это большею частью необразовано, бѣдно и жалко. И ежели только поляки достигнутъ здѣсь полновластия,—то немедленно объявятъ ихъ безъ куска хлѣба—виѣ покровительства своего—если они не возвратятся въ латинство или Унію.... тѣ, какъ увѣряютъ поляки, не задумываясь, зашепчутъ мши, обрѣютъ бороды, надѣнутъ сутаны и поклонятся главенству папы.... а за ними милліоны возсоединенныхъ будутъ опять, говоря языкомъ нашей церковной исторіи, отторгнуты въ Унію и въ латинство.

Эта задуманная цѣль пылѣвшихъ возмутителей, одна изъ тѣхъ, которая не очель затруднить ихъ въ достиженіи, потому что мы, по обыкновенію, дѣйствуя полумѣрами, вовсе не следили съ ними бывшихъ униатовъ: ни народа, ни духовенства,—все еще колеблющихся; народа, который въ Минской губ. все еще крестится, говоритъ и молится не по-русски... А мы слишкомъ простодушно тотчасъ повѣрили полной будто искренности всенароднаго воссоединенія, какъ бы не замѣтили подспудныхъ многихъ пружинъ,—и почти вѣвка исчезнувшіе, послѣ воссоединенія протекли болѣе въ поддержаніи, если не совершенной привязанности, ¹⁾ то по крайней мѣрѣ большой склонности къ Уніи, безъ рѣшительнаго и окончательнаго принятія народомъ чистаго православія въ ежедневной его жизни и молитвѣ. Многіе старались убѣдить всѣхъ будто не заглядывать подъ спудъ необходимо, чтобъ не раздражать народъ, чтобы дружить со-всѣми противоположными вамъ принципами,—ставя свѣчку Богу, ни забыть кого нибудь почитать огаркомъ. Съ воссоединеніями и поступали такъ точно, какъ поступаютъ съ дѣтьми Митрофанушками, которыхъ маменьки не хотятъ учить уму разуму, опасаясь ихъ слезъ и неудовольствія.

Вотъ слова архипастыря, сегодня 20-го октября, мнѣ сказанныя: „народъ здѣсь еще не утвержденъ въ православіи: и если разразится буря неблагоприятныхъ обстоятельствъ—все улетитъ безвозвратно. Старье отъ Уніи еще не отстало, молодежь и новое поколѣніе къ православію еще не пристали, и потому древней борьбы за русскую вѣру, вѣроятно, не будетъ. Тогда вѣра укрѣпилась вѣнками а теперь со дня воссоединенія едва протекли 2 десятка лѣтъ“. Вотъ какъ шатки и амблемы наши здѣсь основы православія. Вѣдь это слова архіерея, перешедшаго къ намъ изъ Уніи, лучшаго изъ этихъ архіереевъ, много старавшагося образовать и обрусить свою униатскую паству.

¹⁾ Иные священники за шатокъ (свадьбу) по Уніатски брали дорожку, а за свадьбу по русски дешевле, иные въ присутствіи наповѣ латинявъ не позволяли себѣ говорить: „вась и всѣхъ правосл. христіанъ“ и пр. а говорили „вась всѣхъ христіанъ.“